

Константин Воробьев

в воспоминаниях современников

«Константин Воробьев принадлежит к тем не частым писателям, которых потом многократно перечитывают. Уже известно, чем начинается и чем заканчивается то или иное произведение, а вот почему-то опять тянет к книге, хочется перелистать еще и еще... И это повторное, уже неспешное, углубленное постижение художника не менее радостно, нежели изначальное его открытие».

Евгений Носов

«Каждая публикация требовала от него почти нечеловеческих усилий, воли, мужества....

Разрушение красоты, гармонии причиняло ему боль, выбивало из колеи, он всеми силами противился тому, что губит цельное... Абсолютный внутренний нравственный слух и чувство беспощадности ко всему, что противостоит жизни, губит прекрасное, с годами обрели ту степень чуткости, когда человек становится ясновидящим, способным предвидеть и предсказать то, о чем обычный человек не догадается».

Вера Воробьева

«Константин Воробьев силен там, где он пишет, давая себе и своему воображению полный простор, а языку – полное дыхание, как на ветру, напоенному запахами родной ему курской земли, русских полей и садов».

Виктор Астафьев

«Он писал очень тяжело. Мог в день написать страницу-две. Всегда карандашом. Первым цензором и главным, значимым для писателя критиком была его супруга. Вместе они часто обсуждали произведения, говорили очень много. Даже ночами. Мама была его другом, талисманом».

Наталья Воробьева

«Всю жизнь Константина Воробьева, яркого представителя послевоенной прозы, можно проследить по его произведениям. История страны в них тесно переплетена с судьбами простых людей. Воробьев писал о том, что пережил сам: коллективизацию, фронты Великой Отечественной, немецкий плен, партизанщину. И в каждом слове его прозы – правда».

Дмитрий Беличенко

«Я зачитывался его мужественными и пронзительными повестями с юности, благо, они к тому моменту уже начали публиковаться. Окончив институт радиоэлектроники и многократно выезжая из Харькова в командировки на Игналинскую АЭС в Литву, я в книжных магазинах Вильнюса и близкорасположенного к атомной станции города Даугавпилса (по-русски Двинск, Борисоглебск, по русским летописям Невгин - ныне Латвия) с великой радостью покупал книги Воробьева, дивясь тому, что они издаются в Прибалтике, а не, скажем, на родине писателя, в Курске, или же в Москве. Мое недоумение сохранялось, поскольку и спустя годы я сталкивался с тем фактом, что и читатели, и писатели хорошо знали, скажем, имена В. Богомолова,